

Н. В. Бугорская

Язык науки и проблемы теории языка: синхрония и диахрония

Когда современные лингвисты задаются вопросом, какую роль в познании играет язык, хочется подчеркнуть – роковую! Это ни в малейшей степени не теоретическая выкладка – это реакция на состояние языкознания на переломе, в момент болезненной «прививки» антропоцентристской идеи могучему древу системноцентричной лингвистики.

Дифференциация научных дисциплин, столь необходимая в определенных условиях, в своих крайних формах заводит в тупик научное знание. Именно поэтому лингвисты, располагающие сегодня богатейшей традицией сопоставительного анализа и отточенным аппаратом системно-исторического и структурно-функционального анализа языка, все чаще стремятся выйти за пределы некой воздвигнутой ими особой «лингвистической реальности», весьма косвенно связанной с общественно-практической деятельностью людей. Одной из тенденций современного языкознания является, по словам Е.С. Кубряковой, его ярко выраженный междисциплинарный характер. В этих условиях возникает необходимость систематизации понятийного аппарата. Используя опыт и понятийный аппарат различных дисциплин применительно к той или иной языковой проблеме, необходимо «как бы заново их осмыслить и интерпретировать в рамках единой научной дисциплины, поскольку очень важно, чтобы их сочетание с рядом вновь вводимых понятий не только не было бы механистическим, но и было бы приведено в определенную аналитическую систему» [1, с. 13].

Систематизация понятийного аппарата – большой вопрос для научной теории. В идеале научная теория включает в себя: 1) исходные основания, или концептуальный базис – систему исходных понятий; 2) логику теории – множество допустимых в данной теории правил вывода и способов доказательства; 3) совокупность законов и утверждений, логически выведенных из исходных оснований [2].

На деле уже само установление исходных оснований представляет серьезную проблему, так как требуется высокая степень рефлексии ученого, для того чтобы осознать логику движения собственной мысли, свойственный себе

самому способ образования понятий. Однако как ни сложна задача, представляется, что в эпоху смены научной парадигмы это единственно возможный путь построения непротиворечивой теории. Современный философ В.С. Библер в этой связи замечает: «...теоретик должен оказаться способным логически обоснованно формировать и преобразовывать логические начала собственного мышления... Это означает, во-первых, что необходимо освоить логический смысл таких творческих, глубоко интуитивных (?) процессов, как изобретение изначальных теоретических идей и понятий...» [3, с. 23].

Изобретение изначальных понятий протекает в определенном научно-историческом контексте, который при идентификации понятия необходимо учитывать в первую очередь. Иными словами, поскольку формирование понятия представляет собой акт познания, исследование содержания понятия должно включать в себя условия, в которых протекает познание: постановку проблемы, объект и методы его исследования.

Важность этих обстоятельств легко проиллюстрировать на примере истории двух традиционных категорий, настолько традиционных, что привычных даже слуху начинающего лингвиста. Речь идет о синхронии и диахронии.

Для лингвиста, воспитанного на идеях Ф. де Соссюра, а именно такова наша отечественная лингвистика, данная оппозиция является базисной. Почти сакральной, иначе как объяснить такое положение вещей, когда много раз критиковавшиеся, противоречащие друг другу понятиям эти категории остаются незыблемы и пускаются в ход как грозное оружие при удобном случае. Более того, эта оппозиция будоражит воображение других гуманитариев, в частности психологов [4] и литературоведов [5].

Что нужно различать при разграничении синхронии и диахронии, и сегодня представляется неоспорным. Одни видят в этом преимущественно онтологические предикаты, которыми обозначают два «способа существования языка», другие хотели бы понимать их как методологические предикаты, которые слу-

жат для того, чтобы обозначить различные аспекты рассмотрения языка, различные перспективы его исследования. Е. Косериу справедливо полагает, что Соссюр занимался не онтологией, а методологией. Поэтому различие между данными категориями относится не к теории языка, а к теории языкознания [6, с. 21]. Это мнение разделял также Э. Бенвенист, на нем настаивает современный немецкий теоретик языка Р. Келлер.

Обратимся к обстоятельствам возникновения данной дихотомии. В этой связи необходимо напомнить, что концепция Соссюра формировалась как преодоление (и такова логика научного развития) абсолютно господствовавшего в то время сравнительно-исторического направления исследований. Как отрицание последнего концепция Соссюра, без сомнения, носила революционный характер. Несмотря на то, что идея о необходимости системного изучения языка высказывалась и ранее, в частности И.А. Бодуэном де Куртене [7], резонанс имели идеи именно швейцарского лингвиста. И дело, по-видимому, не только в том, что они были лучше «презентированы» научной общественности, но и в том, что это концепция была явно полемически заострена, ее пафосом было именно отрицание существовавшей научной парадигмы, зашедшей в тупик. Французский теоретик языка Г. Гийом охарактеризовал этот, дососсюровский, период как «...этап крайнего позитивизма, сделавший из лингвистики такую науку, которой на пути своего следования грозила опасность стать каталогом фактов, что не позволило бы увидеть механизм и законы построения языка» [8, с. 59]. Другой выдающийся французский языковед – Э. Бенвенист подчеркнул, что соссюровским взглядом на язык «отвергался не столько исторический подход, сколько “атомизирование” языка и механизирование его истории» [9, с. 35].

Квинтэссенцией соссюровского учения стала идея о принципиально ином объекте лингвистики – языке как системе, которую Ф. де Соссюр понимал внеисторически, как область чистых отношений.

Для дальнейшей судьбы данной концепции немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что «Курс общей лингвистики», в котором и представлен данный взгляд на язык, был составлен двумя швейцарскими лингвистами Шарлем Балли и Альбертом Сеше, причем сами авторы не слушали лекций, их «источниками» были студенческие записи. Общее понимание соссюровской дихотомии и употреб-

ление данных терминов в сегодняшнем «лингвистическом обиходном языке» во многом сформировано представленной в «курсе» версией Балли-Сеше. При этом несмотря на то, что научное сообщество вполне успешно оперировало данной версией, оговорка о «посреднической» роли двух этих выдающихся ученых своего времени подчас выглядит если не как прямое вменение им в вину искажений «истинного учения» Соссюра, то по крайней мере повисает как скрытый упрек. Во всяком случае это обстоятельство оставляет простор для научных фантазий на тему, как понимал сам Ф. де Соссюр синхронию и диахронию: онтологически или гносеологически?

Отметим сразу, что, на наш взгляд, данный вопрос с полным основанием может быть поставлен перед историками языкознания, но для теоретика он лишен всякой познавательной ценности, по крайней мере до тех пор, пока мы не располагаем иными текстами, содержащими следы концепции Ф. де Соссюра, ведь реально существует только систематизация Балли и Сеше, и именно она сыграла свою историческую роль в мировой лингвистике. Представляется, что поиск «истинного Соссюра» в обозримом будущем не прекратится, если не станет более настойчивым. И этому тоже есть свое историческое объяснение. Те, кто занимается подобными разысканиями, негласно исходят из допущения, что «Соссюр всегда прав, и если он не прав, то это не Соссюр». Подобное лежит, конечно, скорее в области научных эмоций и пристрастий, чем теоретических построений, однако активизация поиска связана с формированием новой научной парадигмы, где концепция, традиционно приписываемая Соссюру (и мы не видим необходимости ломать эту традицию), что называется «не работает».

Как известно, теории не остаются неизменными. При этом, как заметил Г. Гийом, «неустойчивость теорий не должна считаться их недостатком. Это всего лишь очевидный показатель их способности развиваться...» [8, с. 59]. Можно отметить по крайней мере три направления изменений в понимании данной дихотомии, которые условно можно обозначить как отрицание, не всегда, кстати сказать, последовательное, игнорирование, не всегда осознанное, и развитие, не всегда корректное.

В концепциях последующих поколений лингвистов, использующих эти термины, последние явно соотносятся со своими прототипами из «Курса общей лингвистики» и более или менее явно противопоставлены им.

Отрицание, или неразличение, синхронии и диахронии свойственно, например, тем современным отечественным лингвистам, которые осознанно работают в рамках антропоцентрической парадигмы. Однако еще в XX в. целый ряд зарубежных теоретиков языка высказывались за существенное ограничение сферы применения обозначенных терминов, тем самым переводя их из разряда общенаучных категорий в разряд частнотеоретических.

Так, например, уже упомянутый нами немецкий лингвист Руди Келлер в своей монографии «Языковые изменения. О невидимой руке в языке» подчеркивает, что необходимость разграничения синхронии и диахронии во многом определяется целью работы. Какая польза, полагает ученый, лингвисту, который сочиняет словарь, историю языка, грамматику, в премудрости, что язык в первую очередь не произведение, а деятельность. «...Для большинства типов лингвистических исследований будет полезно делать так, как будто язык есть эргон. Другими словами, гипостазис и опредмечивание – это в большинстве случаев не теоретико-познавательная ошибка, а практическая необходимость...» [6, с. 29].

Еще более однозначно высказывается другой современный языковед – французский теоретик языка Сильвен Ору, который считает, что «различие между синхронией и диахронией носит произвольный характер», и отмечает важную, на наш взгляд, мысль: это противопоставление существует в рамках определенной парадигмы [10, с. 361].

В результате к настоящему моменту формируется осознание того, что существует проблематика, для которой разграничение синхронии и диахронии нерелевантно. К числу подобных проблем относится, к примеру, проблема языковых изменений.

Стратегия «игнорирования» соссюрсовской дихотомии свойственна тем исследованиям, где данная оппозиция сохраняется, но не иначе как дань научной традиции и только на первый взгляд тождественна соссюрсовской. На деле же содержание терминов существенно меняется.

Наиболее осознанно подменяет соссюрсовскую дихотомию Г. Гийом. Сам Соссюр противопоставил синхронию и диахронию как статику и динамику, как систему и несистему. «Синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично все,

что касается эволюции» [11, с. 83]. «Диахроническое языкознание исследует не (...) отношения между элементами состояния языка, существующими одновременно, а отношения между сменяющимися друг друга элементами, из которых один с течением времени заступает на место другого» [11, с. 88].

У Соссюра, как верно подметил Г. Гийом, доминируют два образа, образ текущего времени (диахрония) и образ остановившегося мгновения (синхрония), у самого Гийома систематизация (синхрония) не мгновенна, она требует времени, она текуча, дезорганизация (диахрония) работает на систему. Иначе говоря, синхрония не статична, диахрония системна.

Эта идея нашла свое воплощение в двух основательных работах В.К. Журавлева «Диахроническая фонология» [12] и «Диахроническая морфология» [13].

На данном этапе развития языкознания подобное понимание синхронии и диахронии свойственно многим современным отечественным ученым. Например, Т.М. Рогожникова считает, что «лингвистика изучает синхронное и диахронное изменение значения слова в зависимости от общего развития системы языка» [14, с. 38], в таком же духе высказываются И.А. Стернин и З.Д. Попова, полагая, что «лингвистика изучает системное устройство языка в статике и динамике» [15, с. 5].

Наконец, третье направление терминологической ревизии – это попытка «развить» Соссюра. Результатом подобных изысканий является, как правило, бесплодная, на наш взгляд, теоретическая конструкция **взаимодействия** синхронии и диахронии. Недостаточно заметить, что данное теоретическое построение бесплодно в плане создания инструментария научного анализа: идея взаимодействия самодостаточна и не ведет к методологическим прорывам в виде появления новых методов и приемов анализа. Кроме того, так называемое взаимодействие синхронии и диахронии невозможно по той простой причине, что противоречит традиционной логике. Здесь, по-видимому, следует вернуться к проблеме, которая была сформулирована Р. Келлером следующим образом: синхрония и диахрония суть онтологические или гносеологические предикаты?

По мнению абсолютного большинства ученых, синхрония и диахрония – это гносеологические, а не онтологические понятия¹.

¹ Поскольку данные определения относятся к абстракциям высокого порядка и не всегда и не всеми понимаются тождественно, поясним актуальное для данной ситуации различие между гносеологическими и онтологическими характеристиками. Для этих целей удобнее использовать незамысловатую аналогию. Представим себе движущийся поезд, который обладает раз-

Э. Бенвенист, анализируя стиль мышления Ф. де Соссюра, справедливо замечает, что его [Соссюра. – Н.Б.] принцип понимания языка – дуализм. «Язык есть объект двойственный, состоящий из двух сторон, из которых одна существует лишь в силу существования другой... ни один из противопоставленных таким образом терминов не имеет значимости сам по себе и не соотносится с субстанциональной реальностью (курсив мой. – Н.Б.); значимость каждого из них является следствием его противопоставленности другому...» [9, с. 54–55].

Таким образом, как гносеологические предикаты синхрония и диахрония всего лишь различные аспекты, иначе говоря, «виды» одного явления, как профиль и анфас. Очевидно, что с различных точек пространства открывается различный вид объекта, однако что в таком случае подразумевается под их взаимодействием и как оно возможно?

Однако в приложении к синоптическому изданию «Курса...», известному как «Заметки по общей лингвистике», отдельно изданному и опубликованному под именем Соссюра, находим следующий пассаж: «Мы смотрим на нее (лингвистику. – Н.Б.) как на науку, которая пытается объединить в одно целое два принципиально разных объекта (курсив мой. – Н.Б.), убеждая себя, что они образуют один-единственный объект» [16, с. 91]. Такого рода высказывание может внести некоторую смуту в сознание исследователей языка и на первый взгляд укрепляет позиции сторонников онтологического понимания синхронии и диахронии как двух самостоятельных феноменов. Источником подобной ситуации является неоднозначность понимания самого термина *объект*.

В философии под объектом понимается «то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Объект не просто тождествен объективной реальности, а выступает как такая ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом...» [17, с. 453]. Что касается других наук, в частности языкознания, то понимание объекта разнится в зависимости от того, на какой части данного определения делается акцент.

Чаще объект понимается как часть объективной реальности, т.е. субстанционально, при этом игнорируется другая часть определения – это та часть объективной реальности, которая находится в поле деятельности человека и представлена не всеми своими свойствами, объективно, а только теми, которые востребованы в рамках предметно-практической и познавательной деятельности человека, т.е. субъективно, в чем и проявляется взаимосвязь объекта и субъекта. Иначе говоря, конфигурация объекта зависит от потребностей субъекта.

Изначально понятие «объект» относится к разряду эпистемологических, гносеологических категорий, но популяризация науки привела к тому, что из языка «ученого» данный термин перешел в язык «профанный», иначе говоря, обыденный, утратив полноту своего содержания. Дело осложняется тем, что в сочинениях научного характера эти значения зачастую не различаются, а для того, чтобы их развести, необходимы дополнительные разъяснения и сложные теоретические построения.

Так, Р.М. Фрумкина в целом ряде работ поднимает методологические вопросы, напоминая, что *объект той или иной науки* есть не что иное, как определенный конструкт, который зависит от теории и имплицитно методы своего исследования [18].

А.А. Леонтьев различает *индивидуальные объекты* (их совокупность – это объект науки) и *абстрактные объекты*, последние суть предмет науки. Они обобщают свойства и признаки различных индивидуальных объектов и являются собой конструкцию, изоморфную в существенных признаках реальному объекту [2]. Иными словами, ученый пытается таким образом развести объективную реальность, феномен (в терминологии А.А. Леонтьева – индивидуальный объект) и ее модель – гносеологический образ (абстрактный объект).

Исходя из этого следует истолковывать соссюрское понимание объекта как моделирование фрагмента объективной реальности, как сугубо гносеологическое понятие. Именно в таком понимании *объект* вполне согласуется с его концепцией, где синхрония и диахрония как

личными свойствами: цвет, форма, размер, количество вагонов, скорость. Эти свойства независимы от наблюдающего сознания, хотя и отражаемы им. Эти свойства характеризуют онтологию объекта. Гносеология же – это свойства и способности наблюдающего данный объект сознания, которое вполне может представить поезд как мчащийся, т.е. в его динамике, а может зафиксировать определенный момент, например, когда поезд целиком оказывается на мосту, и изучать характеристики поезда в этот момент.

Разница между гносеологией и онтологией весьма ощутима: можно сколько угодно «останавливать» поезд в своем сознании, чтобы легче его описать, но вряд ли можно неспешно пересечь пути в метре от паровоза.

объекты научного анализа являют собой две теоретические модели языка-феномена, противопоставление которых, по словам самого Ф. де Соссюра, бескомпромиссно [11, с. 86]. Обе эти модели находятся в некотором отвлечении от языка-феномена, и если попытаться спроецировать их на последний, то стоит напомнить высказывание Г. Гийома о том, что «...не существует (как феномен. – Н.Б.) одной диахронии, одной конкретной истории языковых явлений, рассматриваемых изолированно и независимо от системы, составную часть которой они представляют, а есть диахрония как история систем, или, если хотите, диахрония синхроний, в силу того... что мы никогда не имеем дело с системой, а только с начавшейся перестройкой уже готовой системы. Однако в большинстве случаев перестройка начинается так незаметно, что система может быть зафиксирована и описана в мгновенном состоянии, как если бы она была устойчивой» [8, с. 63].

Что касается теории «взаимодействия синхронии и диахронии», то здесь уместным было бы напомнить слова И.А. Бодуэна де Куртенэ: «...наука не должна навязывать объекту (языку-феномену. – Н.Б.) чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет...» [19, с. 68].

Подводя итог всему сказанному, подчеркнем, что в условиях обилия научных школ в современной лингвистике остро встает проблема адекватности употребления терминологии в рамках различных теорий. Призывы к отказу от изобретения все новых и новых терминов и возвращению к традиционным, вызванные обеспокоенностью состоянием языка

науки, который оказывается все менее пригодным служить средством научного общения в эпоху больших перемен, вполне объяснимы, однако сама возможность «возврата к традиции» во многом иллюзорна. Как показывает анализ двух традиционных лингвистических категорий, их употребление у различных ученых далеко не тождественно, а их содержание обусловлено не столько желанием оставаться в рамках определенной терминологической системы, а особенностями объекта исследования. Курт Левин, выдающийся немецкий психолог, занимающийся вопросами методологии, объясняет это так: тип образования понятий в науке определяется не тем, каких мнений придерживается исследователь как философ, но тем, какие тезисы имплицитно заложены в фактически применяемых методах исследовательской работы, т.е. типом исследовательской практики, которая «важнее его философской идеологии» [12, с. 25].

Поскольку образование новых понятий неизбежно, то при необходимости заимствования тех или иных терминов из одной лингвистической теории в другую необходимо производить «ревизию» их содержания, исходя при этом не столько из определений этих терминов, сколько из оценки места последних в системе. В свою очередь терминологическая система той или иной научной концепции формируется не произвольно, а жестко обусловлена объектом, проблематикой и методологией исследования, анализ и оценка которых становится возможным с учетом оппозитивных научно-исторических контекстов их возникновения.

Литература

1. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.
2. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. М., 1991.
4. Петренко В.Ф. Психосемантические исследования мотивации // Вопросы психологии. 1983. №3.
5. Смирнов И. Смысл как таковой. М., 2001.
6. Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке. Самара, 1997.
7. Бодуэн де Куртенэ И.А. О задачах языкознания // Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
8. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск, 1998.
10. Ору С. История. Эпистемология. Язык. М., 2000.
11. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.
12. Журавлев В.К. Диахроническая фонология. М., 1986.
13. Журавлев В.К. Диахроническая морфология. М., 1991.
14. Рогожникова Т.М. Психолингвистические проблемы полисемантического слова: Дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2000.
15. Стернин И.А., Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
16. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 2000.

17. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

18. Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. №2.

19. Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.

20. Левин К. Динамическая психология. М., 2001.